

АЛЬКАТРАС ПРОТИВ ЗЛЫХ БИБЛИОТЕКАРЕЙ

КНИГА 3. РЫЦАРИ КРИСТАЛЛИИ

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

Алькатрас против злых Библиотекарей

Брендон Сандерсон

**Алькатрас против злых
Библиотекарей. Книга
3. Рыцари Кристаллии**

«Азбука»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Сандерсон Б.

Алькатрас против злых Библиотекарей. Книга 3. Рыцари
Кристаллии / Б. Сандерсон — «Азбука», 2009 — (Алькатрас
против злых Библиотекарей)

ISBN 978-5-389-30704-9

Добро пожаловать в Налхаллу, сердце Свободных Королевств! Наконец сбылась мечта вечного приемыша и скитальца Алькатраса Смедри: с верным рыцарем Бастилией они добрались до родины. Оказалось, тут Алькатрас знаменитость – у него берут автографы, о нем пишут книги! Пока юноша принимает похвалы и тешит свое самолюбие, Бастилия попадает в беду. В сверкающей Кристаллии, обители бесстрашных рыцарей, появился предатель. Кому же еще могло прийти в голову исключить Бастилию из ордена? Внедрить изменника в ряды защитников Свободных Королевств – значит приблизиться к осуществлению коварного плана злых Библиотекарей по захвату мира, сорвать который и предстоит Алькатрасу... В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-30704-9

© Сандерсон Б., 2009
© Азбука, 2009

Содержание

Предисловие автора	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Брендон Сандерсон
Алькатрас против злых Библиотекарей.
Книга 3. Рыцари Кристаллии

Brandon Sanderson
THE KNIGHTS OF CRYSTALLIA

Copyright © 2009 by Dragonsteel Entertainment, LLC
Illustrations copyright © 2016 by Dragonsteel Entertainment, LLC
All rights reserved

Published by permission of the author and his literary agents JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA)
via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрации в тексте и на обложке Хейли Лазо

© М. В. Семёнова, перевод, 2025
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Алькатрас против злых Библиотекарей

Талант под прикрытием
Киборги Нотариуса
Рыцари Кристаллии

Посвящается Джейн за то, что заботится о моем внешнем виде и делает это настолько мило, что с некоторых пор я даже не позволяю себе натягивать разномастные носки (ну если только по четвергам...)

Предисловие автора

Я – великий и единственный в своем роде.

Не, ну правда!

Я – самая выдающаяся личность, о которой вы когда-либо читали. Или еще когда-нибудь прочитаете. Таких, как я, вообще больше нет.

Я – Алькатрас Смедри, немыслимо нереальный.

Если вы читали предыдущие две книги моей автобиографии (а я надеюсь, что вы их читали, ибо в противном случае я далее начну вас высмеивать), вы, возможно, удивляетесь столь позитивному заявлению. Я же в первых книжках серии из кожи вон лез, чтобы вы меня возненавидели. В первой из них я вам прямо в лоб заявил: ну нехороший я человек! А во второй еще и развил тему, показывая, какой я лжец...

Так вот, это я зря. На самом деле я великолепен за пределами всякого понимания. Может, местами чуточку себялюбив, но в остальном все равно невероятен.

Я просто хочу, чтобы вы это усвоили. Вы же помните из первых двух книг (если, конечно, восхищение моим величием не слишком вас отвлекало от основной мысли), что данная серия книг публикуется одновременно в Свободных Королевствах и в Тихоземье. Соответственно, жители Свободных Королевств – Мокии, Налхаллы и прочих – могут воспринимать написанное в истинном виде: как документальную автобиографию, объясняющую реальные причины моего головокружительного восхождения к славе. В странах Тихоземья – вроде Соединенных Штатов, Мексики и Австралии – мои книги будут напечатаны как фэнтези. Ну, вы поняли, эти уловки предприняты, чтобы агенты Библиотекарей не догадались.

На самом деле мое повествование необходимо обоим мирам. По обе стороны границ люди должны понимать: я не образец доблести и самоотверженности, короче, не герой. И я решил, что наилучший способ объяснить это читателям – время от времени повторять, какой я несравненный, немыслимый, ну короче... невероятный.

Не понимаете зачем? Ничего, постепенно поймете...

Глава 1

Короче, вот он я.

Я висел вверх тормашками под брюхом гигантской стеклянной птицы, несшейся над океаном со скоростью в сотню миль в час, и не подвергался ни малейшей опасности.

Именно так: никакая опасность мне не грозила. Честно говоря, в тот момент я пребывал в большей безопасности, чем в какое-либо иное мгновение своей жизни. Пусть даже и вися над бездной в несколько сот футов... (То есть бездна, собственно, располагалась у меня как бы под головой, поскольку висел я вверх ногами.)

Я сделал несколько осторожных шагов... Подошвы моих огромных ботинок были покрыты слоем из особого вида стекла, именуемого стеклом зацепера, что позволяло им насмерть прилипать к предметам и покрытиям, также сделанным из стекла. Потому-то я держался крепко и отваливаться не собирался. (А случись вдруг такое, верх и низ для меня быстренько поменялись бы местами и начался бы полет навстречу смерти, да еще и с ускорением. Предательская это штука – гравитация!)

Видеть бы вам меня в те минуты – кругом воет ветер, внизу волнуется океан, – вы точно усомнились бы, что моей безопасности ничто не угрожало. Что поделаешь, с безопасностью всегда сплошная относительность и условность. Впрочем, как и с понятиями «верх» и «низ».

Понимаете, я ведь рос в приемной семье. Да еще и в Тихоземье, пребывающем под властью злых Библиотекарей. Тех самых, которые глаз с меня не спускали все детство, ожидая, когда ко мне в руки наконец попадет мешочек весьма особенного песка, полученного в подарок от отца. И вот настал заветный день, мешочек я получил, а Библиотекари его похитили. Конечно, я его по ходу дела вернул... и теперь висел под брюхом огромной стеклянной птицы. Все просто, верно же?

Если не въезжаете, осмелюсь рекомендовать вам заглянуть в первые две книги серии, прежде чем продолжать читать третью. Увы, мне известно, что некоторые из вас, жителей Тихоземья, с трудом считают до трех (к более сложным математическим выкладкам вас не допускают школы, поток информации в которые контролируется Библиотекарями).

По этой причине я подготовил для вас полезную инструкцию.

По определению **«первая книга»** – это та книга, с которой следует начинать чтение книг серии. «Книгу первую» можно без труда идентифицировать по соответствующей надписи на лицевой странице обложки. Когда вы начинаете погружаться в мир Тихоземья и Свободных Королевств с первой книги серии о приключениях Алькатраса, семья Смедри от радости пускается в пляс, а мировая энтропия, мера неопределенности и хаоса, в бессильной злобе разма-

хивает кулаками, поскольку у вас хватило ума привнести в наш мир немного больше гармонии и порядка.

А вот определение **«второй книги»**: это та книга, которую следует читать после первой. Если вздумаете начать чтение со второй книги, я примусь вас высмеивать. (Ну ладно, я в любом случае буду над вами прикалываться. Однако сознайтесь честно, вы же не хотите подливать масла в огонь?)

Ну и пара слов о **«третьей книге»**. Вот уж это та книга, с которой начинать читать серию точно не следует. Если вы так поступите, я начну швыряться в вас тяжелыми предметами.

Определение **«четвертой книги»**... Собственно, сказать о ней пока нечего. Как у вас получится начать знакомство с серией с нее, если я ее еще даже не написал? (Путешественники во времени, замолчите!)

Всяко-разно, если вы не прочли книгу вторую, вы пропустили массу важнейших событий и артефактов, в том числе: нашу вылазку в баснословную Александрийскую библиотеку, мерзкую смолу с легким привкусом бананов, призрачных кураторов, жаждущих высосать из нас душу, огромного стеклянного дракона «Драконаута», могилу Алькатраса Первого и – самое-то животрепещущее! – мое пространное рассуждение о катышках грязи из пупка, которые можно использовать вместо хлебных крошек.

А еще, не прочтя вторую книгу, вы заставили множество более дисциплинированных людей потерять целую минуту личного времени, необходимую, чтобы усвоить сведения из предыдущего абзаца. Ну что, довольны вам указанных причин?

* * *

...Итак, я топал вперед, подбираясь к одинокой фигуре, маячившей у груди птицы.

Справа и слева бились громадные стеклянные крылья. Я миновал объемистые стеклянные лапы, отведенные назад и прижатые к брюху. Завывающий ветер бил меня в грудь. Летучая птица – а именовалась она «Ветроястреб» – по величию и мощи заметно уступала нашему прежнему воздушному судну, стеклянному «Драконауту». Тем не менее в ее чреве имелось несколько кают, годных для путешествия в условиях, которые многие сочли бы роскошными. Вот только мой дедушка, конечно же, не опустил до чего-то столь тривиального, как спокойное пребывание внутри воздушного корабля. Нет! Он привык воспарять духовно, так что и физически предпочитал ничем не ограничивать свою свободу, а находиться снаружи на свежем воздухе, а если выразиться поточнее – торчать под днищем «Ветроястреба», созерцая океанские дали.

Преодолевая сопротивление воздушных масс, я двинулся к дедушке, но в какой-то момент ветер внезапно стих. Я аж застыл от неожиданности: ботинок предательски звякнул о стекло, когда нога завершила очередной шаг.

Дедушка Смедри вздрогнул и обернулся.

– Ох ты! Ротация Ротфуссов! – вырвалось у него. – Парень, ты меня напугал!

– Прости, дед, – извинился я, подходя. «Звяк» – всякий раз отзывались мои ботинки, отлипая от стеклянной опоры и снова прилипая к ней до следующего шага.

Патриарх семейства по своему обыкновению был облачен в безупречный смокинг. Он полагал, что такой костюм поможет ему в Тихоземье надежнее слиться с окружающей средой. Дедушка сверкал лысой макушкой, хотя на затылке, полосой от уха до уха, во все стороны торчали густые белые волосы, а на лице красовались весьма впечатляющие кустистые седые усы.

– Куда делся ветер? – спросил я.

– Что? А, ты об этом... – И дед поднял руку и многозначительно поправил очки на носу, линзы в них были с зелеными крапинками.

Тут надо сказать, что линзы окулятора, будучи активированы продвинутым окулятором вроде меня или деда, способны проделывать некоторые весьма интересные фокусы... (В число коих, увы, не входит способность склонять ленивых читателей к перечитыванию первых двух книг, тем самым избавляя автора от необходимости заново объяснять всю эту ерунду.)

– Линзы ветродуя? – уточнил я. – Вот уж не знал, что их еще и как поглотителей воздушных потоков применять можно!

У меня самого имелась парочка таких линз, я с их помощью умел только порождать воздушные струи.

– Практика, мальчик мой, все дело в практике, – как всегда, немного напыщенно возвестил дед. – Видишь ли, вокруг меня образовался воздушный пузырь. Дело в том, что в горизонтали исходящий от меня внутренний поток воздуха сталкивается с движущейся навстречу кораблю воздушной массой, и таким образом происходит взаимная нейтрализация потоков.

– Так, но... меня-то почему на подходе ветром не сдуло?

– Сдуло? Да с какой стати? Почему ты вообще решил, что тебя должно было сдуть?

– Ну... есть ведь такая наука... физика. Она типа подсказывает, – сказал я. (Хотя, согласитесь, несколько странно было поминать столь прозаическую науку, свисая вниз головой и фиксируя свое положение при помощи ботинок с подошвами из магического стекла!)

– Отличная шутка, малыш, – рассмеялся дедушка. – Просто отличная!

И похлопал меня по плечу.

Уроженцев Свободных Королевств вроде него неизменно смешат библиотечарские придумки вроде вышеупомянутой физики, полнейшей, по их дружному мнению, чепухи. Я же склонен думать, что жители Свободных Королевств малость недооценивают Библиотекарей. Физика не то чтобы чепуха. Она просто не дает полной естественно-научной картины мира.

В основе магии и силиматических технологий Свободных Королевств лежит собственная логика. Взять хоть нашу стеклянную птицу. Ее приводило в движение некое устройство, именуемое силиматическим двигателем, в котором энергия взаимодействия разных типов песка и стекла превращается в механическую работу. Вот это, равно как и мои ботинки зацепера, называлось здесь технологией, и ею мог воспользоваться каждый. С другой стороны, таланты семейства Смедри и способности окуляторов в Свободных Королевствах считались магией, поскольку были доступны не многим.

Так вот, чем ближе я знакомился с уроженцами Свободных Королевств, тем менее убедительным представлялось мне подобное различие.

– Дедушка, – позвал я. – Говорил я тебе, что мне разок удалось зарядить ботинки зацепера энергией через простое прикосновение?

– Ух ты! – восхитился дед Смедри. – Это как?

– В смысле, мне удалось здорово повысить их мощность, – пояснил я. – Просто потрогал. Типа я сработал как пауэрбанк или зарядник.

Дедушка некоторое время молчал.

– Может, мы и с линзами что-то подобное проделываем? – продолжал я развивать свою мысль, потирая пальцем очки на переносице. – Что, если способности окулятора простираются дальше, чем мы привыкли считать? Вдруг мы вообще на любое стекло можем воздействовать?

– Ты, парень, заговорил прямо как твой отец! – воскликнул дед. – У него тоже есть теория о свойствах стекла и способностях окуляторов.

Аттика Смедри. Упоминание об отце заставило меня раздраженно закатить глаза. Потом я повернулся к деду и сфокусировал взгляд на его линзах ветродуя, сдерживающих встречный воздушный поток.

– Линзы ветродуя, – проговорил я. – Я... сломал ту пару, что ты мне дал.

– Ха! – отозвался дедушка. – Было бы чему удивляться, малыш. Вот оно, могущество твоего таланта в действии!

Все так. У каждого представителя рода Смедри есть какой-нибудь талант, даже у тех, кто получил нашу фамилию лишь в супружестве. Мой талант – семейный талант Смедри – состоял в магической способности ломать все, что угодно. А например, дедушкин талант – всегда и всюду опаздывать. Соответственно, таланты одновременно являлись благословением и проклятием нашей семьи. Дедушкин талант временами его выручал из всяких бед, помогая опаздывать к разным неприятностям вроде смертоносных пуль или последних дней уплаты налогов, но он же и не дал ему помешать Библиотекарям украсть мое наследие: дед попросту не успел предотвратить злодеяние.

Сейчас он, пребывая в нехарактерной для себя молчаливой задумчивости, уставился на океан, находившийся (из-за перевернутого положения) как бы у нас над головой. «Ветроястреб» держал курс на запад, в страну Налхаллу, где я появился на свет, а после никогда не бывал.

Я первым прервал молчание:

– Что стряслось, дед?

– Мм? Что-то не так?.. Да нет же, все так! Мы отбили твоего отца у кураторов Александрийской библиотеки! И должен сказать, что по ходу дела ты проявил остроту ума, присущую истинным Смедри. Отличная работа, внучек! Мы одержали безоговорочную победу!

– Ну да. Если не считать того факта, что моя мать завладела парой линз переводчика, – сказал я.

– Ах да, – отозвался дедушка. – Есть такое дело, ты прав.

Пески Рашида, из-за которых, в сущности, и началась вся эта история, в свое время послужили материалом для линз, дарующих понимание любого языка, – линз переводчика. Моему отцу как-то удалось собрать эти уникальные Пески, после чего он разделил их пополам и прислал мне половину, годную для изготовления одной-единственной пары линз. Из второй половины он сделал такие же магические очки для себя. Так вот, моя мать, ставшая Библиотекарем, потерпела поражение в Александрии, но умудрилась похитить очки отца. (Мои, по счастью, так и остались при мне.)

Факт этой кражи означал следующее. Добыв себе в помощь окулятора, способного управиться с линзами, мать отныне могла разбирать забытый язык, постигая тайны древнего народа – инкарнатов. Могла вволю читать обо всех их технических и магических чудесах... равно как и о несравненном высокотехнологичном оружии.

Вот такая проблема. Драгоценные линзы переводчика оказались в руках у Библиотекаря.

– И что нам со всем этим делать? – спросил я.

– Я пока не уверен, – откликнулся дедушка Смедри, – однако собираюсь вынести этот вопрос на Конклав Королей. Уж верно, им найдется что сказать по данному поводу, они точно примут правильное решение... – И он напустил на себя жизнерадостный вид. – В любом случае прямо сейчас нам не о чем беспокоиться. И ты уж точно спустился сюда ко мне не затем, чтобы выслушивать старческое брюзжание любимого деда?

«И единственного», – чуть не добавил я вслух, но вовремя задумался о новом круге проблем, связанных с наличием всего одного деда, и прикусил язык.

– Вообще-то, – заметил я, глядя себе под ноги, на глянцевою обшивку «Ветроястреба», – я собирался поговорить с тобой об отце.

– О чем именно, мой мальчик?

– О том, всегда ли он был таким... ну...

– Отстраненным?

Я кивнул. Дедушка Смедри ответил со вздохом:

– Твой отец – человек одержимый. Весьма склонный к фиксации на определенных идеях. Как ты помнишь, я был совсем не в восторге, когда он оставил тебя на воспитание в чужой семье в Тихоземье... Учтем, однако, что его призывали воистину великие дела и он в самом деле совершил в жизни кое-что выдающееся. Ученые тысячелетиями трудились над расшиф-

ровкой забытого языка! Даже я был убежден, что эта задача из области невозможного... Помимо прочего, никому из Смедри не удалось подчинить свой талант так, как сумел твой отец.

Сквозь стекло корпуса я различал тени и силуэты наших спутников. Был среди них и мой отец. Человек, о существовании которого я гадал все свое детство. Я ждал встречи с ним, уверенный, что он... он... ну хоть чуточку разволнуется, увидев меня. Даже притом что в начале жизни он меня бросил.

Дедушка Смедри положил руку мне на плечо:

– Не тужи, мальчик мой! Аховые Абрамсы, парень, ты же держишь путь в Налхаллу! Впервые едешь на родину, только подумай!.. А все остальное уж как-нибудь перемелется. Просто... посиди ровно, передохни. Последние несколько месяцев выдались напряженными...

– Долго еще нам лететь? – уточнил я.

Мы почти все утро мчались над океаном. А перед этим две недели стояли лагерем у входа в Александрийскую библиотеку, ожидая, когда мой дядя Каз доберется до Налхаллы и пришлет за нами летучий корабль. (Они с дедушкой Смедри решили, что Каз обернется быстрее, если пойдет один. Понимаете, его талант состоит в том, чтобы весьма зрелищно теряться, и он далеко не всегда предсказуем.)

– Не слишком долго, – заверил дедушка, указывая рукой на точку на горизонте. – Я бы даже сказал, мы совсем рядом...

Я обернулся, вглядываясь в океанскую даль, и... да вот же он! Отдаленный материк медленно проявлялся на горизонте. Я невольно шагнул вперед со своего опрокинутого настежь, шурясь. На берегу был уже различим город, утренний свет обрисовывал высокие силуэты строений.

– Замки, – прошептал я, глядя, как мощные дворцы вырастают впереди. – Там правда столько замков?

Их были многие десятки, если не сотни. Из них состоял весь город: к небу вздымались величественные башни и тонкие изящные шпили, увенчанные выющимися флагами. На каждом замке – гербы и флаги с уникальным сочетанием цветов и рисунков, а все вместе охватывала могучая городская крепостная стена.

Взгляд выхватил три доминирующие постройки.

Вот черный замок в дальнем, южном углу города. Высокие отвесные стены и в целом ощущение мощи, как у горы, – этаким каменный культурист, прям Мистер Вселенная.

Ближе к центру города виднелся белый замок не очень понятной формы, смахивающий на пирамиду, дополненную башнями и балконами. Над ним реяло огромное ярко-красное знамя, отлично различимое с океана.

Однако самое удивительное сооружение высилось в северном конце города, по правую руку от меня. Оно напоминало гигантский грибообразный кристалл как минимум в сотню футов высотой и две в ширину¹. Гриб вырос из основания города, как пучок травы на поляне, его шляпка бросала широкую тень на скопище замков поменьше, а венчал строение еще один замок, более привычного вида, но игравший в солнечных лучах сплошными сверкающими бликами.

– Кристаллия? – спросил я, указывая на гриб.

– Так точно, – подтвердил дедушка.

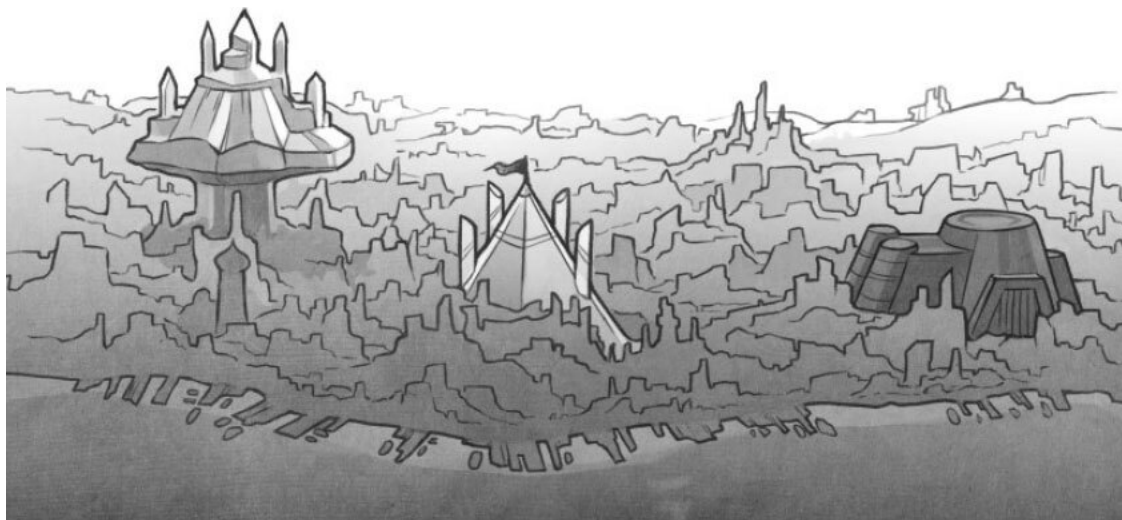
Итак, передо мной была Кристаллия, цитадель рыцарей Кристаллии, издавна присягнувших и поклявшихся ценой жизни защищать клан Смедри и правящие дома Свободных Королевств. Я вновь посмотрел на наш «Ветроястреб». Бастилия ожидала внутри – наказание за

¹ Около 30,5 м и 0,7 м соответственно.

утрату меча в Тихоземье еще не было с нее снято. Возвращение домой вряд ли окажется для нее таким же радостным, как для меня.

Правду сказать, в те минуты сосредоточиться на участии Бастилии я просто не мог. Вот-вот я окажусь дома. Сейчас я не в состоянии передать вам чувства, охватившие меня, когда наконец-то воочию увидел Налхаллу. Нет, не то чтобы я прямо ликовал, сходя с ума от восторга. Ощущение было скорее обратное – на меня снизошло умиротворение. С чем бы сравнить... Представьте: вы просыпаетесь поутру, чувствуя себя бодрым и свежим после прекрасного сна. Все как-то настолько правильно... настолько безмятежно...

В общем, нечто было просто обязано тут же пойти кувырком!

Глава 2

Терпеть не могу взрывы.

Мало того что в общем и целом они вредны для здоровья, так они еще и внимание на себя перетягивают. «Бабах!!!» – и, чем бы вы ни занимались, такое мимо ушей не пропустите. В этом плане я даже сравнил бы взрыв с вашей младшей сестренкой, безостановочно вопящей в кровати.

По счастью, здесь я не собираюсь рассказывать о том, как взорвался «Ветрострел». Вовсе нет: я поведу речь кое о чем совсем из другой области, а именно – о рыбных палочках. (Привыкайте, читатель. Я такое проделываю на постоянной основе!)

Так вот. Рыбные палочки, без сомнения, омерзительнейший продукт из всех когда-либо созданных человеком. Обычная-то рыба и так уже достаточно гадкая штука, но палочки из нее... Поистине, они выводят понятие «отвратительный» на новый, недостижимый уровень! Кажется, рыбные палочки существуют конкретно затем, чтобы вынудить нас, литераторов, искать новые описательные формулировки, поскольку привычные слова весь ужас передать не способны! Как вам, к примеру, такой неологизм – «мерзопакожуть»?

Даю определение. Мерзопакожуть² – существительное, неодушевленное, женский род, третье склонение. Используется для обозначения предмета, омерзительного в той же мере, что и рыбные палочки.

Так, а с чего это я взялся здесь о рыбных палочках рассуждать? А с того, что, будучи гнусным изъясном на лице земли, они еще и все одинаковые. Если вам не нравится один какой-то их вид, будьте уверены – вам, скорее всего, не понравятся и все остальные.

Фишка в том, что я подметил: люди склонны поступать с книгами, как с рыбными палочками. Откроют одну – и воображают, будто постигли их все.

Так вот, книги – это вам не рыбные палочки.

² Данное слово следует применять для описания конкретно рыбных палочек и более ничего, поскольку предметов, близких к оным по степени вызванного отвращения, в природе не обнаружено. Оспорить степень может только нечистое, заплесневелое и захлащенное пространство у Брендона Сандерсона под кроватью. – *Примеч. автора.*

Конечно, не все книги так потрясают величиим, как тот экземпляр, что вы держите сейчас в руках, но все же им присуще разнообразие, вызывающее некоторое беспокойство. Книги, даже принадлежащие к одному жанру, могут разительно отличаться. Мы в дальнейшем еще вернемся к этому вопросу, а пока... просто прекращайте обращаться с книгами, точно с рыбными палочками!

(А если будете вынуждены выбирать, что из этого проглотить – книгу или рыбные палочки, – смело выбирайте книгу! Уж поверьте мне на слово...)

* * *

...Взрыв разнес весь правый борт «Ветроястреба». Подбитое судно кувыркнулось в воздухе, осколки стекла разлетелись сверкающим градом. Прямо рядом со мной отвалилась и улетела прочь огромная лапа механической птицы. Мир качнулся, завертелся, превратился в размазанные полосы – я словно оседлал карусель под управлением сумасшедшего.

В этот миг, даже сквозь нахлынувшую панику, мой разум зарегистрировал, что кусок стеклянной обшивки корпуса у меня под ногами – тот, к которому все еще были прикреплены мои ботинки зацепера, – успел отвалиться от корпуса «Ветроястреба». Крылатый корабль еще продолжал кое-как по инерции лететь, цепляться за воздух, а вот я – уже нет. Разве что мы назовем полетом свободное падение навстречу гибели на скорости в сотню миль в час!

Я почти ничего не видел кругом. Большой обломок стекла у меня под ногами крутился и метался на бешеном ветру, как бумажка. «Разбейся!» – послал я мысленный приказ, отправляя ударную дозу энергии своего таланта через ноги к ступням. Разлетелись и ботинки, и кусок обшивки под ними. Я оказался в туче осколков... однако, по крайней мере, перестал беспорядочно вращаться.

Извернувшись, я посмотрел вниз, на волны. При мне не имелось никаких линз, способных спасти ситуацию, кроме линз переводчика и стандартных линз окулятора. Все остальные очки я либо сломал, либо отдал, либо вернул дедушке Смедри.

Стало быть, у меня оставался только мой талант.

В ушах свистел ветер. Я раскинул руки и задумался: что способен сломать мой талант, дай я ему такую возможность? А вдруг мне удастся...

Я зажмурился, собирая воедино всю свою мощь. А потом испустил ее в воздух из рук, повелевая: «Сломайся!..»

Ничего не произошло.

Я в ужасе распахнул веки. Волны стремительно неслись мне навстречу. И опять неслись мне навстречу. Неслись навстречу...

«Что-то долго длится мой полет к неминуемой смерти», – подумал я невольно.

Я падал и падал... Вот только волны как будто ничуть не делались ближе. Тогда я перевел взгляд вверх. Оттуда прямехонько на меня летел дедушка Смедри. Его смокинг развевался и фалды беспомощно трепыхались на ветру, а на лице застыло выражение крайнего сосредоточения – он тянул ко мне руку с растопыренными пальцами.

«Да ведь он пытается заставить меня опоздать к падению в воду», – сообразил я. Несколько раз мне удавалось принудить свой талант сработать на расстоянии, но это давалось мне с трудом, а результат был весьма плохо предсказуем.

– Дедушка!.. – заорал я что было сил.

Ровно в этот момент он врезался в меня головой – и мы вместе рухнули в океан.

Вода оказалась холодной, а мой невольный вскрик изумления быстро перешел в бульканье. Я вынырнул, отплеываясь. По счастью, «бодрящая» вода была относительно спокойной, волны не хлестали в лицо. Я поправил линзы, чудом удержавшиеся на носу, и стал озираться, ища взглядом дедушку. Он показался на поверхности несколькими секундами позже. Обвисшие усы, лысина в обрамлении мокрых волос...

– Бесполезные Вестерфельды! – крикнул он. – Во мы попали, а, парень?

Я дрожал и ничего не мог ответить.

– В общем, готовься, – предупредил дедушка Смедри. Вид у него был непривычный, измотанный.

– К чему? – удивился я.

– Попытаюсь устроить нам частичное опоздание к этому падению, но совсем отменить его не смогу, – последовал ответ. – И кажется, я долго не удержу удар о...

– Ты имеешь в виду... – начал было я, и тут-то меня накрыло.

Ощущение было такое, словно я по второму разу бухнулся в океан, да так, что воздух вышибло из легких. Дезориентированный, я провалился в стылую глубину, однако тут же заставил себя продираться наверх, к свету и воздуху. Вырвавшись на поверхность, я жадно глотнул воздуха, перевел дух... и падение догнало меня по новой.

Можно сказать, дедушка разбил наш смертельный полет на несколько маленьких этапов, но каждый из них все равно оставался опасным для жизни. Заново погружаясь, я еле успел рассмотреть деда – он пытался удержаться на плаву, но получалось у него ничуть не лучше, чем у меня. Я остро почувствовал свою бесполезность: ну почему я с помощью своего таланта ничего подобного сотворить не мог? Мне всю жизнь говорили, как велика была моя способность ломать вещи, и действительно, порой я добивался выдающихся результатов. Однако по части управления талантом мне было далеко до деда и двоюродных братьев. В свое оправдание могу сказать, что я узнал о своем месте в семье Смедри всего месяца четыре назад. Хотя, когда тонешь, это оправдание не спасет и уж точно не способствует повышению самооценки...

Во время очередного наката случилось неизбежное: я потерял сознание. Когда же очнулся, то обнаружил, что еще жив, и часть меня осталась этим обстоятельством недовольна. Чувствовал я себя так, словно побывал внутри боксерской груши на тренировке, а потом еще и в блендере. Я застонал, открывая глаза...

Рядом со мной на коленях стояла стройная девушка. У нее были длинные серебристые волосы и мундир вроде военного. Она сердито смотрела исподлобья... в принципе, как и всегда.

– Ты это сделал нарочно! – прокурорским тоном заявила Бастилия.

Я приподнялся, сел, потянулся рукой к голове.

– Точно, Бастилия. Без конца пытаюсь угробиться, только чтобы тебе насолить...

Судя по мрачному немигающему взгляду, она таки действительно полагала, что мы, члены семьи Смедри, влипали в разные неприятности с единственной целью – испортить ей жизнь.

Мои рубашка и джинсы еще не высохли, я лежал в луже соленой морской воды – значит с момента падения прошло не так много времени. Надо мной простиралось ясное синее небо. По правую руку, привалившись к стене, стоял на уцелевшей ноге «Ветроястреб». Я моргнул и понял, что лежу на верхней площадке какой-то замковой башни.

– Австралия сумела опустить «Ветроястреб» к самой воде, чтобы вытащить вас обоих. – Бастилия ответила на мой невысказанный вопрос и поднялась на ноги. – Что именно вызвало взрыв, пока не очень понятно. Бабахнуло в одной из кают – вот и все, что мы знаем.

Я с усилием встал, поглядывая на силиматическую птицу. Вся обшивка по правому борту была сорвана, так что внутри виднелась начинка кают. Одно крыло покрывали трещины, в груди тоже не доставало изрядного куска, того самого, памятного мне по кувырканию в воздухе.

Дедушка Смедри сидел, привалившись к ограждению посадочной площадки. Заметив мой взгляд, он ответил слабым взмахом руки.

Остальные члены команды мало-помалу выбирались из «Ветроястреба». Это было непросто: взрывом снесло посадочный трап.

– Пойду за помощью, – сказала Бастилия. – Присмотри за дедом, да сам только вниз с площадки не сверзись, пока меня нет!

С этими словами она умчалась по лестнице куда-то внутрь башни.

Я подошел к деду:

– Ты в порядке?

– Конечно, внучек! В полном гвардейском! – Дедушка Смедри улыбнулся сквозь вымокшие усы. Настолько измученным я прежде видел его лишь один раз – после нашей битвы с Блэкбёрном.

– Спасибо за спасение, – поблагодарил я, присаживаясь рядом с ним.

– Я всего лишь должок вернул, – подмигнул дед. – Ты же, я полагаю, спас меня во время нашего первого просачивания в библиотеку.

На самом деле за то спасение следовало в основном благодарить счастливое стечение обстоятельств. Я глянул на «Ветроястреб», выбраться из которого по-прежнему удавалось не всем, и сказал:

– Вот бы мне научиться применять свой талант так же, как ты...

– Ты о чем? Алькатрас, ты отлично управляешься со своим талантом! Будто я не видел, как ты разнес стекло, к которому тебя прилепило! Не сделай ты этого, я бы так и не смог подхватить тебя взглядом. Ты быстро сообразил, что к чему, и это тебя спасло!

– Да, но, если честно, я пытался добиться большего, – возразил я. – Вот только не сработало.

– Большого?

Я покраснел. Теперь мои идеи выглядели глупостью.

– Подумал... ну... вдруг у меня получилось бы сломать гравитацию? Тогда я сумел бы взлететь...

Дедушка Смедри негромко хихикнул.

– Гравитацию! Сломать! Нет, вы это слышали?! Да ты, внучек, не боишься дерзать! Отличная попытка, весьма в духе Смедри... Только, боюсь, слегка за пределами даже твоего могущества. Вообрази, что за хаос нас ждет, если на всей планете перестанет работать закон всемирного тяготения!

Воображать мне не понадобилось, я такое уже видел живьем... Что ж, оставим это дело будущему, когда настанет подходящий момент...

Раздался царапающий звук. Из пролома в боку «Ветроястреба» наконец выпрыгнул человек и уверенно приземлился на каменную площадку. Это была Дролин, мать Бастилии – суровая, стройная, облаченная в серебряную броню. Дролин была полноправным рыцарем Кристаллии (этого титула Бастилия недавно лишилась) и отлично справлялась со своими обязанностями: защитой жизни и обеспечением безопасности семьи Смедри, проявлением вечного недовольства и умением заставлять всех окружающих чувствовать себя слабаками.

Оказавшись на твердой земле, Дролин сумела помочь двум другим членам команды выйти на свободу. Австралия Смедри, моя кузина, была пухленькой шестнадцатилетней девушкой родом из Мокии. Она предпочитала яркие цельнокройные платья, смутно напоминавшие простыни, и, подобно родному брату Пой Синг-Сингу, отличалась смуглой кожей и темными волосами. (Мокийцы приходятся родней жителям Полинезии, что в Тихоземье.)

Шлепнувшись вниз, Австралия поспешила к нам с дедом.

– Ой, Алькатрас! – затараторила она. – Ты живой? Я не видела, как ты падал, сначала мне со взрывом разбираться пришлось, а уж потом... Тебе-то удалось увидеть, как все произошло?

– В целом да, Австралия, – кивнул я. – Ударной волной-то меня с «Ветроястреба» и снесло.

– А... да, верно, – проговорила она, слегка перекатываясь с пяток на носки. – Знаешь, если бы Бастилия не проследила за вашим падением, мы и не нашли бы места, где вы в воду нырнули! А ты не сильно расшибся, когда я на башню вас сбрасывала? Понимаешь, мне пришлось вас подхватывать лапой «Ветроястреба», а на нее ж садиться потом, вот я и... Лапа-то у нас осталась одна, если ты заметил!

– Трудно было не заметить, – буркнул я устало. – И даже на взрыв обратил внимание, прикинь, а ты?

– Конечно, глупенький!

Вот такова моя сестричка Австралия. Нет, с мозгами у нее полный порядок, просто она иногда забывает, что следует вести себя умненько и меньше болтать.

Самым последним «Ветроястреб» покинул мой родитель – Аттика Смедри, рослый мужчина со всклоченной шевелюрой и в красноватых линзах окулятора на глазах. Удивительно, но на нем линзы вовсе не выглядели дурацки-розовыми, как на мне.

Аттика подошел к нам с дедушкой.

– Ну что, – подбодрил он, – вижу, все целы. Отлично!

Мы посмотрели один на другого, момент получился неловким. Кажется, мой отец не знал, что бы еще такое сказать. Обстоятельства вроде требовали от него оказывать нам поддержку, примериваться к роли взрослого отца подростка, вот только уж очень эта роль ему не нравилась. Он испытал явное облегчение, когда прибежала Бастилия, сопровождаемая оравой слуг, облаченных в просторные рубашки и штаны – обычную одежду жителей Свободных Королевств.

– Ага! Замечательно, – улыбнулся отец. – Уверен, эти люди знают, что делать. Рад, что ты не пострадал, сын.

Он развернулся и быстрым шагом направился к лестнице.

– Лорд Аттика! – окликнул один из прислужников. – Как долго вас не было!

– Что ж, я вернулся, – последовал ответ, и приказания повалили как из рога изобилия. – Попрошу немедленно прибратся в моих покоях и приготовить ванну. Сообщите членам Кон-

клава Королей, что в самое ближайшее время я намерен выступить перед ними по очень важному поводу. И не забудьте уведомить газеты и службы новостей, что я здесь и доступен для интервью! – Он помедлил и добавил: – Да, еще следует позаботиться о моем сыне. Ему потребуется... ну... одежда и всякое такое.

С этими словами отец скрылся в лестничном колодце, часть слуг побежала за ним, точно свора верных собак.

– Погоди-ка, – сказал я, оборачиваясь к Австралии, – тут его все слушают с полуслова, с чего бы такое раболепие?

– Да это же его слуги, глупыш. Им свойственно подчиняться господину!

– Его слуги? – переспросил я, подходя к парапету и оглядывая здание вниз. – Это куда нас занесло?

– На башню замка Смедри, естественно, – сказала Австралия. – Куда же еще?

Я рассматривал город, постепенно осозная, что «Ветроястреб» умудрился сесть на одну из башен черного замка, того самого, которым я любовался еще с моря. Замок Смедри, вот оно как!

– У нас что, свой замок есть? – спросил я потрясенно, обращаясь к дедушке. Тот успел слегка отдохнуть; в глаза вернулся блеск. Он встал, отряхивая еще не высохший смокинг.

– Конечно есть, мальчик мой. Мы же Смедри!

Смедри. Я до сих пор не в полной мере осознавал, что означала принадлежность к этой фамилии. А означала она... ладно, в следующей главе объясню. Сейчас что-то лениво.

Между тем один из слуг, видимо доктор, занялся дедушкой. Стал его ощупывать, заглянул в глаза, попросил сосчитать в обратном порядке. Дед и рад был бы улизнуть от осмотра, но вовремя заметил Дролин с Бастилией. Те стояли плечом к плечу, одинаково сложив на груди руки, с одинаково решительным выражением лица. Их позы без слов говорили, что нам с дедом придется-таки пройти медосмотр, даже если ради этого нашим телохранителям пришлось бы подвесить нас за ноги.

Я вздохнул, прислонившись к парапету.

– Слышь, Бастилия, – прервал я молчание, когда нам с дедом принесли полотенца.

– Ну? – буркнула она, подходя.

– Как ты вообще вылезла? – Я кивнул на поломанный «Ветроястреб». – Все остальные пассажиры, когда я очнулся, заблокированные сидели!

– Я...

– Да она просто взяла и сиганула наружу! – вмешалась Австралия. – Дролин сказала, что в битое стекло прыгать опасно, надо сперва все проверить, а Бастилия – р-раз! – и вылетела вон!

Бастилия метнула на мокийку яростный взгляд, но Австралия в счастливом неведении продолжала трещать:

– Она, верно, по-настоящему волновалась за тебя, Алькатрас! Выпрыгнула – и ломанулась к тебе во всю прыть!

Бастилия попыталась незаметно наступить ей на ногу.

– Ой! – пискнула Австралия. – Тут муравьи, что ли, и ты их давишь?

Бастилия вспыхнула румянцем: редкое зрелище. Отчего она смутилась? Оттого, что не послушалась матери? Бастилия из кожи вон лезла, стараясь ей угодить, вот только заслужить одобрение Дролин – явно невыполнимая задача. Это я к чему говорю. Ведь не беспокойство же обо мне понудило ее выскочить чуть ли не на ходу из разбитого корабля! Я же ее постоянно только бесил! Или... не может быть! Неужели она действительно обо мне волновалась? К чему бы это?

Я вдруг обнаружил, что тоже краснею...

А теперь я буду делать все, что в моих силах, дабы отвлечь вас от последнего пассажа. И вообще, я зря его написал. У меня должно было хватить ума, скажем так, захлопнуть створки

покрепче и в целом соображать побыстрее, а не как улитка. Я же говорил, что временами бываю очень себялюбивым?

Как раз в этот момент по лестнице вверх стремительно взбежал Синг и тем спас нас с Бастилией от неловкости.

Синг-Синг Пой Смедри, мой двоюродный брат и старший брат Австралии, был человеком титанического сложения. Ростом далеко за шесть футов и довольно плотной комплекции. (Это я пытаюсь деликатно намекнуть, что Синг был толстоват.) Талант мокийского Смедри состоял в том, чтобы спотыкаться и падать, что он незамедлительно и проделал, едва достигнув верхней ступеньки. Клянусь, я ощутил небольшое локальное землетрясение, прокатившееся по каменной кладке! Все разом пригнулись, высматривая опасность: талант Синга склонен проявляться, когда ему что-либо угрожает. Сейчас, однако, никаких опасностей не наблюдалось. Синг огляделся, тяжело поднялся на ноги и ринулся к нам, чтобы подхватить меня, не успевшего выпрямиться, и слегка придушить в гигантских объятиях.

– Алькатрас! – прогудел он. Вытянул руку, сгреб Австралию и заключил в ту же охапку. – Ребятюшки, вы обязаны прочесть мою статью о видах бартерных сделок Тихоземья и тамошних методах рекламы! Ну до чего ж увлекательный материал!

Видите ли, Синг у нас антрополог, а сфера его научных интересов – культура и оружие Тихоземья. По счастью, сейчас при нем, против обыкновения, не было хотя бы пары пистолетов.

Печально, но факт. Большинство моих знакомых в Свободных Королевствах считают антропологическую³ литературу весьма увлекательным чтением. В особенности это касается членов моей семьи. Спрашивается, когда уже кто-нибудь познакомит их с залипательным миром видеоигр?

Синг наконец выпустил нас, повернулся к дедушке Смедри и отвесил быстрый поклон.

– Лорд Смедри, – вкрадчиво сказал он, – у меня есть к вам разговор. Пока вас не было, приключилось кое-что скверное!

– Как я за порог – вечно что-то случается, – отозвался дед. – Да и когда я дома, происшествий не становится меньше. Что на сей раз?

– Библиотекари направили посланника в Конклав Королей, – начал объяснять Синг.

– Что ж, – несколько легкомысленным тоном подхватил дедушка Смедри, – надеюсь, пятая точка посланника не слишком пострадала, когда Бриг придавал ему ускорение на выход из города!

– Верховный король отнюдь не изгнал посланника, милорд, – тихо ответил Синг. – На самом деле правители, полагаю, намерены заключить договор...

– Невозможно! – вмешалась Бастилия. – Верховный король никогда не пойдет на договорняк с Библиотекарями!

– Оруженосец Бастилия! – рявкнула Дролин, стоявшая по стойке вольно, чопорно заложив руки за спину. – Знай свое место и не смей перечить старшим!

Бастилия покраснела и опустила глаза.

– Синг, – напряженным голосом проговорил дедушка, – в проекте договора что-нибудь сказано о кровопролитии в Мокии?

Синг отвел глаза:

– Ну... полагаю, согласно этому договору Мокия будет передана Библиотекарям в обмен на прекращение войны...

³ *Антропология* (от греч. *ánthrōpos* – человек и *lógos* – учение) – наука о происхождении и эволюции человека, об образовании человеческих рас и о вариациях физического строения человека. Антропологическая литература помогает понять, как культура отражает человеческую природу и формирует ее осмысление.

– Дэшнеры дебатырующие! – вскричал дедушка Смедри. – Неужто мы опоздали! Нужно что-то делать, и срочно!

Он стремительно пересек площадку башни, чтобы тотчас исчезнуть в лестничном колодце. Оставшись одни, мы начали переглядываться...

– Мы должны действовать дерзко и безоглядно! Поднять волну, да побольше! – донеслось из глубины колодца эхо его голоса. – Так, как привыкли действовать Смедри!

– Нам бы за ним, что ли, – предложил я.

– Точно, – сказал Синг, озираясь. – Он вечно как разволнуется... А где лорд Казан?

– Разве здесь его нет? – спросила Австралия. – Это же он «Ветроястреб» за нами послал?

Синг помотал головой:

– Каз отбыл несколько дней назад, пообещав успеть как раз к вашему прибытию.

– Должно быть, вмешался его талант и он заблудился, – вздохнула Австралия. – Поди знай, куда его занесло...

– Эй, вы, там! – Из лестничного колодца вынырнула голова деда. – Дребезжащие Джонсы, народ! Нам конец света предотвратить надо, давайте-ка шевелитесь!

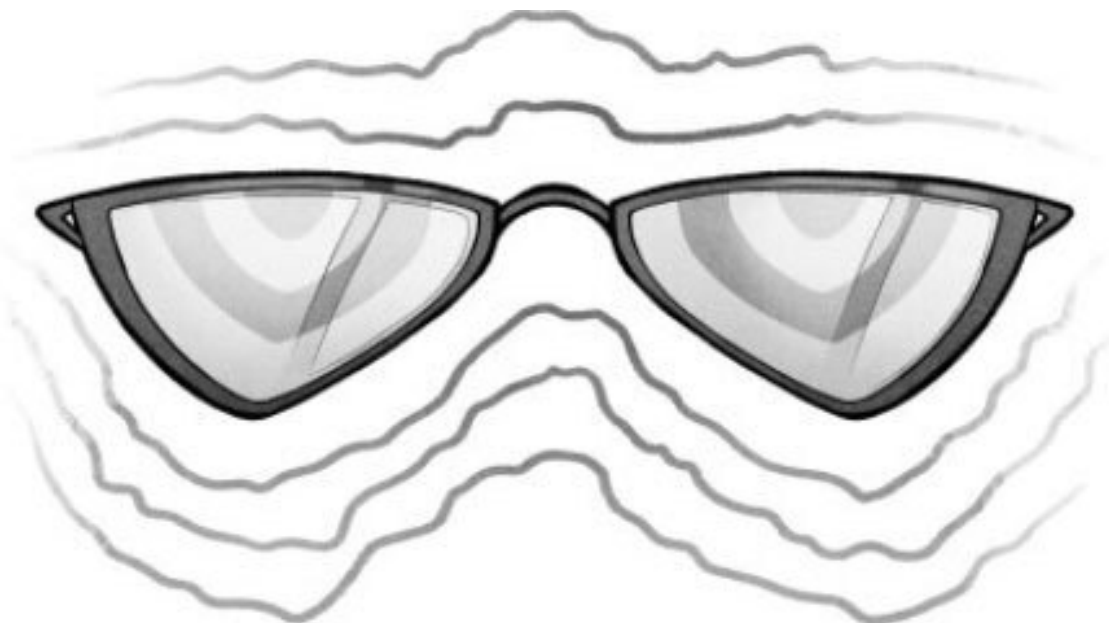
– Так точно, лорд Смедри, – сказал Синг, вразвалочку направляясь на зов. – Уже бежим и падаем, но куда?..

– Ползуна вызывайте! – велел престарелый Окулятор. – И срочно на Конклав Королей!

– Но... у них там как раз сверхсекретное закрытое заседание...

– И хорошо! – Дедушка Смедри театрально воздел руку. – Тем больше шума наделает наше появление!

Глава 3

Быть особой царской крови – то еще наказание. Можете мне поверить, у меня источники очень надежные. И все они сходятся на том, что быть королем стремно. Ну сами подумайте.

Начнем с того, что король находится при исполнении двадцать четыре часа в сутки, без отгулов и выходных. Случись что-то чрезвычайное посреди ночи – вскакивай и беги разбираться, ведь ты король. У тебя полуфиналы по футболу, Лига чемпионов, а тут некстати война? Забудь про полуфиналы...

Такая вот жесть. Забудь про каникулы, выезды на дачу с родителями и всякие там «ой, а можно выйти в туалет на минуточку?»... И награда тебе за все мучения одна: непомерная ответственность.

Как по мне, среди всех жизненных явлений, могущих приблизиться к понятию «мерзопакость», самое поганое – это именно ответственность. Она вынуждает людей есть салаты вместо шоколадных батончиков и рано ложиться спать по собственной воле. А когда вам ужас как хочется вскочить на пингвина с ракетным двигателем и унести в свободный полет, именно совесть, проклятое чувство ответственности, напоминает вам, что подобное безумство может плохо отразиться на страховых выплатах. Лично я глубоко убежден, что совесть есть форма душевной болезни. Ибо что, кроме сбоя в работе мозга, способно отправить нормального человека на утреннюю пробежку?

В том-то и подстава, что на королей возложена ответственность, которая иным людям и во сне не приснится. Короли, они словно бездонные, неиссякаемые колодцы ответственности. И тут держи ушки на макушке! Стоит потерять бдительность – и сам заразишься, станешь чересчур ответственным.

По счастью, клан Смедри осознал это еще годы назад. И кое-что предпринял, чтобы убе-
речься.

– Мы сделали... что? – переспросил я.

– Отказались от собственного королевства, – радостно повторил дедушка Смедри. –
Пшик – и нет его. Отреклись!

– Но почему?

– А ради шоколадных батончиков, – блестя глазами, подмигнул дедушка. – Должен же
их кто-то съесть!

– В смысле? – спросил я.

Мы стояли на просторном балконе замка, ожидая ползуна, кем или чем бы тот ни
являлся. Нас сопровождал Синг, а также Бастилия с матерью. Австралия осталась дома
с каким-то поручением от деда, а мой отец и вовсе скрылся в неизвестном направлении. Засел

в своих покоях и велел не беспокоить по всяким мелочам вроде утраты суверенитета, грозящей Мокии.

– Дай объясню другими словами. – Дедушка Смедри заложил руки за спину, созерцая городской пейзаж. – Несколько веков назад люди поняли, что королевств стало многовато. В то время большинство составляли города-государства, да какое там – маленькие городки! Выйдешь на вечернюю прогулку – и только знай границы пересекаешь, по три-четыре за раз...

– Говорят, ужасный был геморрой, – вставил Синг. – В каждой крохотной державе своя культура, обычаи и законы...

– А потом пришли Библиотекари и началось насильственное укрупнение владений, иными словами – завоевание территорий, – пояснил дедушка Смедри. – Короли скоро поняли, насколько легко и последовательно их разбивают по одному. Начали возникать объединения и союзы, королевства стали сливаться...

– Большею частью при посредстве династических браков, – добавил Синг.

– Это было в дни правления нашего предка, короля Ливенворта Смедри Шестого, – продолжал дед. – Он счел за благо присоединить нашу державу, Смедрию, к Налхалле, тем самым освобождая потомков от докучных обязанностей правления, дабы сосредоточить наши силы на более важном: борьбе против злых Библиотекарей.

Я задумался, пытаюсь разобраться в собственных чувствах. Как-никак я был наследником по прямой. Не откажись предок от трона, мне сейчас светила бы карьера кронпринца. Если честно, ощущение было вроде того, когда обнаруживаешь, что номер твоего лотерейного билета всего одной циферкой не совпал с выигрышным.

– Отдали, значит... – медленно проговорил я. – Вот так прямо все подчистую?

– Ну, не совсем, – пояснил дедушка. – Отказались только от скучного и вредного для здоровья. За нами осталось место в Конклаве Королей, чтобы продолжать держать руку на пульсе. Еще у нас есть замок и весьма приличное состояние, так что скучать не приходится. Ну и к благородному сословию мы по-прежнему принадлежим.

– И в чем выгоды нашего отказа от титула?

– О-о, плюшек полно, – заверил дедушка. – Бронирование мест в любом ресторане, доступ к королевским конюшням и силиматическому воздушному флоту... два судна из состава которого мы, кстати, за последний месяц разбили. Кроме того, мы являемся пэрами, то есть по статусу равными королям. Звание старомодное, но дающее любому из нас право разрешать гражданские споры, заключать официальные браки, арестовывать преступников и прочее в таком духе.

– Ого! – сказал я. – Значит, я могу людей женить?

– Вполне, – кивнул дед.

– Но мне только тринадцать!

– Верно, сам ты еще ни на ком не можешь жениться. Но если тебя попросят заключить брак, ты имеешь право провести церемонию. Не одному же королю самолично всем таким заниматься, сам понимаешь!.. А вот, кстати, и ползун...

Я оглянулся через плечо... и аж подскочил при виде здоровенной рептилии, двигавшейся в нашу сторону по стене здания.

– Дракон! – заорал я, указывая рукой на стену. – Там дракон!

– Потрясающая наблюдательность, Смедри, – фыркнула Бастилия, стоявшая подле меня.

Увы, я был слишком взволнован, чтобы немедленно выдать остроумную ответную реплику...

Однако, по счастью, я являюсь автором этой книги. Стало быть, могу переписать историю так, как сочту нужным. Что ж, попробуем еще раз. Итак...

Глянув через плечо, я заметил чешуйчатого ящера весьма грозного вида, что скользил вдоль стены здания к балкону с явным намерением всех нас сожрать.

– Узрите! – воскликнул я громким голосом. – Пред вами зломерзкая тварь, выползшая из адовых бездн! Прячьтесь скорее у меня за спиной, а я дам ей бой!

– О, Алькатрас, – трепетно выдохнула Бастилия. – Как прекрасно твое бесподобное мужество!

– Да, – изрек я. – Таковы мы, солнцеподобные Смедри.

– Не о чем беспокоиться, внучек, – сказал дедушка, глядя на ящера. – Это прибыл наш транспорт.

Тут я заметил, что на спине у бескрылого, рогатого пресмыкающегося имелось некое устройство вроде гондолы. Посрамляя земное тяготение, увесистое с виду создание прилипало к каменным фасадам, как ящерица к скале, вот только пасть этой «ящерки» без труда вместила бы автобус. Достигнув замка Смедри, дракон влез прямо к нашему балкону – только когти скрежетали по каменной кладке. Я невольно попятился, когда, высунувшись над ограждением балкона, на нас уставилась громадная змеиная голова.

– Смедри, – прозвучал низкий голос.

– Здравствуй, Цоктинатэн, – ответил дедушка Смедри. – Нам бы во дворец, и притом как можно быстрее.

– Мне так и сказали. Садитесь.

– Погодите-ка, – вмешался я, – у нас тут что, драконы вместо такси?

Дракон обратил на меня взгляд, и в его огромном глазу я узрел бездну. Переливчатую глубину. Многоцветную, многослойную беспредельность. Я почувствовал себя пылинкой, крохотной и ничтожной.

– Не по своей доброй воле я исполняю эту работу, юный Смедри, – пророкотало чудовище.

– Сколько еще тебе отбывать наказание? – спросил дед.

– Три сотни лет, – отводя взгляд, произнес дракон. – Еще три сотни лет, прежде чем мне вернут крылья и я снова смогу летать...

С этими словами ящер вскарабкался еще выше, подставляя спину с корзиной-гондолой. Оттуда к балкону сам собой протянулся раздвижной трап, и все наши стали переходить по нему на дракона.

– А что он натворил-то? – шепотом спросил я дедушку.

– Он? Там, кажется, было тяжкое пожирание. Схрустел девицу, я имею в виду. Четыреста лет назад или типа того. Трагическая история... Осторожнее на первой ступеньке!

Я последовал за нашими спутниками в гондолу. Внутри обнаружилась неплохо обставленная комната, даже с кушетками, вполне удобными на вид. Дролин взошла на борт самой последней и прикрыла за собой дверь. Дракон тотчас устремился вперед. Я определил это только по виду в окошке, поскольку последствия движения типа колыхания, дрожания пола под ногами отсутствовали напрочь. Куда бы ни поворачивал, как бы ни вился дракон – для пассажиров гондолы верх и низ никоим образом не смещались. (Позже я узнал, что, как и еще многое в Свободных Королевствах, это объяснялось свойствами используемого особого стекла – в данном случае самопритягивающегося стекла. Делая из такого материала какое-либо вместилище, можно задать направление низа – и в том направлении будет фиксироваться все содержимое, как бы ни крутился сам корпус.)

Я долго стоял у окна, глядя наружу. Мои линзы окулятора заставляли окно чуть заметно светиться.

После взрыва и беспорядочного падения, когда я чуть не погиб, мне так и не удалось толком обозреть город.

А он, прямо скажем, поражал воображение.

Первое впечатление не обмануло: город был сплошь застроен замками. Не какими-то домишками из кирпича или камня – повсюду высились самые настоящие замки с башнями и высокими стенами, и ни один не походил на другой. От одних веяло волшебными сказками – всякие там арки, переходы, тонкие шпили. Другие источали угрюмую мощь и казались гнездилищами кровожадных злых полководцев...

(Тут надобно заметить, что Почтенная гильдия злых полководцев (далее – ПГЗП) немало потрудились, чтобы развеять недобрую репутацию своих членов. После многих десятков организованных ПГЗП распродаж выпечки и благотворительных аукционов кто-то предложил полководцам убрать из названия организации слово «злых». Предложение в итоге было отвергнуто из-за того, что Горстак Безжалостный только что заказал себе целую коробку визитных карточек с эмблемой ПГЗП.)

Замки стояли строем вдоль улиц, как небоскребы в деловом районе какого-нибудь крупного города Тихоземья. Внизу, на дорогах, можно было рассмотреть людей. Они двигались кто пешком, кто в экипажах. Наш бескрылый дракон, однако, продолжал ползти, точно ящерица, по каменным бокам зданий. Благо замки стояли вплотную, и, перебираясь с одной стены на другую, Цоктинатэн лишь вытягивался – его длины хватало вполне.

– Круто, да? – спросила Бастилия.

Я обернулся, только тут заметив, что она присоединилась ко мне у окна.

– Еще как, – улыбнулся я.

– Всегда такое славное чувство, когда возвращаешься, – сказала Бастилия. – Любо-дорого посмотреть, как здесь чисто! Стекла сияют, кладка изящная, резьба...

– Мне казалось, нынче родина не очень ласково тебя принимает, – заметил я. – Это я к тому, что уезжала ты в звании рыцаря, а вернулась оруженосцем.

Она поморщилась:

– Умеешь ты комплимент отвесить, Смедри. Тебе, наверно, об этом уже говорили?

Я почувствовал, что краснею:

– Я просто... я... ну...

Блин. Знаете, работая над мемуарами, я все время раздумывал, какую бы сюда вставить строчку поостроумнее... (И, поди ж ты, в итоге забыл. Надо внимательнее редактировать черновики!)

– Ладно, проехали, – сказала Бастилия, опираясь на подоконник и заглядывая вниз. – Думается, я уже смирилась с тем, что наказана.

«Ну нет, только не это опять!» – сказал я себе. Дело в том, что утрата меча и бесконечные попреки от матери стали для Бастилии очень тягостным испытанием. И самое скверное, что первопричиной послужил именно я. Это я сломал ее меч в библиотеке, пытаясь отбиться им от любовных романов, оживших и в какой-то мере разумных. Так вот, Дролин как будто задалась целью доказать, что одна-единственная ошибка делала ее дочь недостойной звания рыцаря.

– Только не надо вот так на меня смотреть! – резко проговорила Бастилия. – Битые стекла! Тот факт, что я смирилась с разжалованием, еще не значит, что я сдалась и поплыла по течению! погоди, я еще выясню, кто меня так гадко подставил!

– А ты уверена, что за этим вправду кто-то стоит?

Она кивнула. Глаза ее сузились, на лице появилось выражение мстительной решимости. Я даже испытал облегчение оттого, что в кои-то веки ее гнев был направлен не на меня.

– Чем больше я размышляю обо всем, что случилось, – поделилась она, – тем разумнее кажется мне то, что ты говорил на прошлой неделе, помнишь? Почему мне, сопливой девчонке, только-только удостоенной чести быть произведенной в рыцари, дали такое опасное поручение? Кто-то в Кристаллии явно желал, чтобы я провалилась. Кто-то, кто позавидовал моим слишком ранним успехам. Ну или хотел устроить неприятности моей матери, а может, просто взялся доказать, будто у меня ничего не получится...

Я заметил:

– На мой взгляд, это предательство и как-то не особенно согласуется с понятием чести. Разве пристало рыцарям Кристаллии плести такие интриги?

– Я... я уже не знаю, – пожала плечами Бастилия и покосилась на Дролин.

– Мне трудно поверить в подобное, – произнес я, впрочем, не вполне искренне. Видите ли, ревность такая штука... в некотором смысле она как пуканье. Ревновать к чужим успехам и случайно выпустить газ прилюдно – такое поведение плохо вяжется с образом отважного рыцаря, но правда в том, что рыцари, облачившись в доспехи, остаются всего лишь людьми. Им присущи зависть и ревность. Они оступаются и косячат. И – куда ж без этого – временами выпускают ветры. (Хотя сами они не говорят «испускать ветры», предпочитая выражение «бряцать в кимвалы»⁴, – что неудивительно, учитывая ношение лат.)

Дролин держалась в тыловой части комнаты. Ради разнообразия она даже оставила парадную стойку вольно, решив вместо этого начистить громадный Хрустальный меч.

Бастилия, вообще-то, подозревала, что под наказание ее подставила именно мать, ведь Дролин была в числе высокопоставленных рыцарей, дававших поручения младшим. Но, спрашивается, с чего бы ей посылать собственную дочь на задание, которое ей пока явно не по силам?

– Да, дело тут нечисто... – прошептала Бастилия.

– Что ты имеешь в виду, ну, помимо того, что наш стеклянный ястреб таинственным образом подорвался?

Она равнодушно отмахнулась:

– Ну, это-то работа злых Библиотекарей...

– В самом деле?

– Естественно, – с жаром продолжила Бастилия. – В городе у них есть посол. А еще мы стараемся не дать им отжать у нас Мокию. Вот они и попытались нас грохнуть. Пережив десятки покушений, к этому как-то уже привыкаешь...

– Ты точно уверена, что это они? – переспросил я. – Ты говорила, взрыв произошел в одной из кают. В чьей именно?

– Моей матери, – сказала Бастилия. – Мы полагаем, когда она покидала Налхаллу, кто-то подsunул ей в рюкзак немного стекла детонатора. Тот рюкзак и в Александрийской библиотеке с ней был. Стекло настроили так, чтобы взрыв случился при приближении к городу.

– Ух ты. Какие сложности...

– Таковы многоходовые операции злых Библиотекарей. И мать явно что-то беспокоит. Я же вижу.

– Может, ей не по себе оттого, что тебя наказали слишком сурово?

– Ага, щас, – фыркнула Бастилия. – Держи карман шире. Нет, Смедри, ее гложет что-то другое. Полагаю, дело в мече...

Она замолчала на полуслове, и так, словно ей просто нечего было добавить.

Немного погодя меня жестом подозвал дед:

– Алькатрас! Иди-ка вот что послушай!

Они с Сингом сидели на кушетках. Я подошел и сел рядом с бабушкой, отмечая про себя, насколько удобной оказалась кушетка. По дороге я не заметил других драконов, ползающих, как наш, по стенам замков, и успел решить, что подобный транспорт предназначался для особо важных персон.

– Синг, расскажи моему внуку то, о чем говорил мне, – попросил дед.

– Ну, тут вот какое дело, – начал Синг, несколько подавшись вперед. – Дама-посол, присланная Библиотекарями, она из этих... из Хранителей Стандарта.

⁴ Кимвал – древний ударный музыкальный инструмент, состоявший из двух медных тарелок или чаш.

– А это еще кто? – удивился я.

– Одна из сект Библиотекарей, – пояснил Синг. – Блэкбёрн был из ордена Темных окуляторов, а убийца Килиманджаро, с которым ты дрался в Александрийской библиотеке, принадлежал к секте киборгов Нотариуса. Хранители Стандарта – они типа другие. Они всю дорогу твердят, будто среди всех Библиотекарей они самые умеренные...

– Библиотекари? Умеренные? Да это оксюморон!⁵

– А еще – маскировка, – сказал дедушка Смедри. – Стремление выглядеть невинными – их базовая идея, хотя на самом деле во всем их гадюшнике эти змеи самые ядовитые. Именно Хранители заведуют большинством библиотек в Тихоземье. Они любят притворяться простой кучкой бюрократов, почти белых и пушистых, не то что всякие Темные окуляторы или какой-нибудь орден Разбитой линзы...

– Маскировка или нет, – продолжил Синг, – это единственные Библиотекари, хоть как-то стремящиеся с нами взаимодействовать, а не просто стараться завоевать. И наша дама-посол сумела убедить Конклав Королей в серьезности их намерений!

Я слушал с интересом, правда не понимая, зачем дед решил мне все это сообщить. Человек я со всех сторон выдающийся (я же говорил, да?), но в политике не очень силен. Политика – одна из трех сфер деятельности, где у меня нет никакого опыта. Две другие – это написание книжек и воздушные прогулки на реактивном пингвине. (Глупая ответственность...)

– Так... а я-то тут не при делах или как? – спросил я.

– О, с тобой это связано напрямую! Ты при делах, малыш, еще при каких! – Дедушка Смедри наставил на меня палец. – Мы – Смедри! Отказавшись от короны, мы дали обет приглядывать за всеми Свободными Королевствами. Мы – стражи цивилизации!

– Но разве плохо, если короли заключат мир с Библиотекарями?

На лице Синга отразилась боль.

– Алькатрас, ради этого им придется уступить врагу Мокию, мою любимую далекую родину! Ее включают в состав стран Тихоземья, а там сменится одно-два поколения, и мокийцы уже помнить не будут о том, как когда-то были свободными! Моему народу не выстоять против злых Библиотекарей без поддержки других Свободных Королевств. Слишком мала наша страна...

– Да и Библиотекари, пообещав мир, наверняка слово не сдержат, – рассуждал дедушка Смедри. – Они много лет спят и видят, как бы забрать Мокию... Хотя – убейте меня, чтобы я понимал, почему она им необходима больше всех других королевств. Скажем так: перетянув к себе Мокию, они окажутся на одну ступеньку ближе к власти над всем миром... Лютые Луны! Да неужто вы правда думаете, что можно просто взять и вот так сдать им целое королевство?

Я посмотрел на Синга. Великан-антрополог и его сестричка за последние месяцы стали мне очень близки. Серьезные ребята, притом отчаянно преданные своему отечеству, Свободным Королевствам и семье Смедри. Синг ведь в меня верил, даже когда я пытался его оттолкнуть. После этого я только ждал случая приложить все усилия, чтобы ему помочь.

– Нет, – твердо сказал я. – Вы правы, мы не можем допустить, чтобы такое случилось. Мы должны это предотвратить!

Дедушка Смедри улыбнулся, кладя руку мне на плечо.

Невелико вроде событие, но для меня это был судьбоносный, поворотный момент. Впервые на полном серьезе я решил ввязаться в заварушку по собственной воле. Я же полез в Александрийскую библиотеку только потому, что меня преследовало чудовище. А в логово Блэкбёрна – поскольку дедушка Смедри торчал над душой. Теперь же все было иначе. Я понимал, зачем дед подозревал меня и предложил поучаствовать в обсуждении политической ситуации.

⁵ Оксюморон – стилистический прием, сочетание слов с противоположным значением, например: «грустная радость».

Он хотел, чтобы я стал полноправным участником грядущих событий. Не просто парнишкой, волею судьбы влипшим во что-то, а настоящим единомышленником!

«Лучше бы я дома тихо отсиделся», – где-то глубоко вздохнула часть моего существа. Ответственность – это же качество, противоположное себялюбию. Знать бы наперед, куда оно меня заведет!.. Впрочем, мое предательство и моя слепота еще оставались делом будущего...

Сейчас же я в приподнятом настроении наблюдал в окошко, как наш дракон начал спускаться. Еще несколько мгновений, и гондола замерла на земле. Приехали!

Глава 4

Ладно-ладно, я все понимаю. Теперь я вас окончательно запутал. Не стыдитесь: каждый рано или поздно оказывается сбит с толку (кроме меня, конечно!). Прочтя две предыдущие книги моей автобиографии (уверен, вы так и поступили), вы поняли, что в целом я не склонен себя перехваливать. Ведь я уже сообщил вам, что я лжец, садист и... короче, жуткий тип. И вот вы приступили к третьей книге, а я знай твержу, какой я со всех сторон выдающийся. Неужели мнение о себе поменял? Решил примерить героический образ? Или, может, носки с котятками натянул? Так ведь нет. (И на носках у меня, если что, дельфины, а не котятки.) Просто я кое-что понял. Слегка переборщив в предыдущих книгах с самокритикой, я невольно выставил себя таким скромнягой. Читатели успели решить: раз я так себя принижаю, я, наверно, святой.

Слушайте, народ, вы меня с ума свести сговорились? Почему вы не можете просто воспринимать как есть то, что я вам говорю? В любом случае я пришел к выводу: единственный способ убедить вас, читателей, в моей несравненной ужасности – это показать, насколько я эгоистичен и самонадеян. И покажу я это путем навязчивого перечисления своих добродетелей. Навязчивого и беспрестанного! Всемерного и ежеминутного! Пока вас натурально не затошнит от осознания моего превосходства! Может, тогда до вас начнет доходить...

* * *

Королевский дворец Налхаллы оказался подобен белой пирамиде в самом центре города. Я выбрался из гондолы, делая над собой усилие, чтобы не пялиться с открытым ртом на величественное белоснежное строение, чьи каменные стены были покрыты изысканной резьбой по всей высоте – ну или насколько мне удалось рассмотреть.

– Вперед! – воскликнул дедушка Смедри, устремляясь вверх по ступеням, точно генерал, спешащий присоединиться к битве. Поразительная резвость для пожилого человека, который к тому же вечно всюду опаздывает!

Я посмотрел на Бастилию. У нее был такой вид, словно ее укачало.

– Я бы лучше снаружи подождала, – сказала она.

– Ты идешь внутрь, – отрезала Дролин. Сама она, звеня доспехами, уже ступила на лестницу.

Невольно я нахмурился. Обычно Дролин при каждом удобном случае заставляла Бастилию ждать снаружи – типа «простому оруженосцу» не место там, где рассуждают о важных материях. Ну и чего ради теперь силком загонять ее во дворец?

Я бросил на Бастилию вопрошающий взгляд, но она лишь поморщилась. Делать нечего, я поспешил вдогонку за дедом и Сингом.

– Боюсь, мне нечего больше вам рассказать, лорд Смедри, – проговорил Синг. – В ваше отсутствие за Конклавом Королей наблюдал Фолсом.

– Ах да, точно, – кивнул дедушка Смедри. – Полагаю, он здесь?

– Должен быть, – сказал Синг.

– Очередной брат? – спросил я.

Дедушка Смедри снова кивнул:

– Это старший брат Квентина Смедри, сын моей дочери Петтивэгон. Славный парень! Подозреваю, Бриг прочил его в женихи одной из своих дочерей...

– Бриг? – спросил я.

– Король Дартмур, – пояснил Синг.

Дартмур?..

– Погодите, – сказал я. – Это же тюрьма такая?

(Уж я-то, как легко догадаться, тюрьмы знаю наперечет.)

– Верно, внучек, – подтвердил дедушка Смедри.

– Стало быть, он наш родственник?

Глупый вопрос. По счастью, я уже тогда знал, что однажды засяду за написание мемуаров, и понимал, что немало читателей запутается в вопросах родственных отношений и генеалогических древ. Соответственно, врожденная прозорливость побудила меня задать этот обманчиво-наивный вопрос, дабы заложить основательную базу для своей будущей биографии. Надеюсь, вы способны оценить, какое это было самопожертвование с моей стороны.

– Нет, – сказал дедушка. – Имя, ставшее названием тюрьмы, само по себе никого не делает членом нашей семьи. Просто, как и мы, королевский род придерживается традиций, поэтому у них из поколения в поколение повторяются имена выдающихся исторических личностей. Вот Библиотекари, дискредитации ради, и стали называть так свои тюрьмы!

– Да-да, точно, – сказал я.

Все же что-то продолжало беспокоить меня в этой связи, только я никак не мог нащупать, что именно. Возможно, из-за того, что данная мысль пребывала в моей голове, «нащупать» означало бы буквально запустить руку самому себе в мозги, а это, согласитесь, довольно болезненно. К тому же мы как раз миновали входные двери, а за ними открылся главный вестибюль такой несказанной красоты, что я в тот же миг позабыл все свои размышления.

Эх, жаль, я никудышный поэт! Бывает, пытаюсь сочинять пафосные стихи, а получается сквернословие. Надо было мне, наверно, стать рэпером. Или, на худой конец, политиканом. Трудно мне передавать словами красоту, и с этим ничего не поделаешь! Довольно будет сказать, что огромный зал меня просто потряс, хотя я только что проехал на драконе через весь город и досыта насмотрелся на замки.

Зал был просторным. И белым. Он вроде как был весь увешан картинами, только рамы выглядели пустыми. Здесь экспонировалось только стекло, но уж зато всех мыслимых разновидностей и сортов. Шагая среди поблескивавшего великолепия, я вдруг понял: рамы пустые оттого, что само стекло было здесь предметом искусства! В каждой раме – особый цвет. Таблички поясняли, какого типа стекло. Некоторые я даже узнавал: большей частью пластины в рамах неярко переливались. Я ведь так и не снял линзы окулятора, то есть мог видеть ауру магического стекла. Во дворцах стран Тихоземья короли выставляли напоказ свое золото-серебро. Здешние владыки хвастались редкими и дорогими образцами стекла. Я любовался и

благоговел, отчаянно желая, чтобы Синг с дедушкой Смедри не так безудержно мчались вперед.

Из вестибюля мы свернули еще в какие-то двери и оказались в длинном прямоугольном зале, заставленном слева и справа креслами на возвышениях. Большинство было занято людьми, что в молчании наблюдали за происходившим внизу. Там, в центре помещения, виднелся широкий стол, а за ним – порядка двух дюжин мужчин и женщин в роскошных и не всегда привычных одеждах.

Я мгновенно выделил взглядом короля Дартмура. Он сидел в высоком кресле во главе стола. Облаченный в королевские, синие с золотом одежды, он выделялся еще и окладистой рыжей бородой. Я смотрел на него сквозь свои линзы окулятора, и те, настроенные иногда приукрашивать представавшие предо мной образы и пейзажи, несколько добавляли верховному королю роста, величавости, благородства, так что картинка получалась заметно ярче реальности.

Переступая порог, я едва не споткнулся. Я еще никогда не бывал в присутствии царствующих особ.

– Ливенворт Смедри! – прозвенел жизнерадостный женский голос. – Ах ты, старый разбойник! Вернулся наконец!

Кажется, в сторону, откуда раздалось приветствие, разом обернулась вся комната. Все смотрели на фигуристую (вы же помните, что означает это выражение?) даму, что вскочила с кресла и тяжеломерно устремила к моему деду. У нее были короткие светлые волосы, а лицо сияло неописуемым восторгом.

Кажется, я впервые заметил во взгляде деда нечто похожее на испуг.

Дама подлетела к нам и заключила невысокого и стройного патриарха, Великого окулятора, в крепкие объятия. Потом заметила меня.

– Так это и есть Алькатрас? – требовательно спросила она. – Битые стекляшки, мальчик, у тебя рот вообще закрывается?

Я поспешно закрыл рот.

– Внучек, – сказал дедушка Смедри, когда женщина наконец выпустила его из рук, – это твоя тетя, Петтивэгон Смедри. Моя дочь и мать Квентина.

– Прошу прощения, – донесся голос с первого уровня зала. Я залился краской, вспомнив, что на нас смотрит целая орава монархов. – Леди Смедри, – гулким голосом продолжал король Дартмур, – уверен, вы нарушили ход нашего заседания по каким-то уважительным причинам.

– Простите, ваше величество, – тотчас ответила моя тетя, – но с этими ребятами гораздо веселее, чем с вами!

Дедушка Смедри только вздохнул, а потом шепнул мне:

– Попробуешь угадать, какой у нее талант Смедри?

Я ответил также шепотом:

– Все нарушать?

– Почти, – сказал дедушка. – Ее талант в том, чтобы в самый неподходящий момент сморозить что-нибудь неуместное.

«Да, – подумалось мне, – лучше не скажешь».

– Ой, только не надо вот так на меня смотреть, – продолжала она, грозя пальчиком королю. – Нипочем не поверю, что вы сами до смерти не рады возвращению этих проходимцев!

Король тяжело вздохнул.

– Что ж, объявляю перерыв на один час ради счастливого семейного воссоединения. Лорд Смедри! Верить ли донесениям, утверждающим, что вы разыскали и привезли с собой давным-давно пропавшего внука?

– Еще как привез! – провозгласил дедушка Смедри. – И не просто внука, но вдобавок окулятора, оснащенного бесценными линзами переводчика, выплавленных из самих Песков Рашида!

Толпа присутствующих немедленно оживилась, отозвалась ропотом. Я обратил внимание на небольшую группу мужчин и женщин, сидевших как раз напротив и явно не обрадованных появлением дедушки Смедри. Вместо мантий и туник эти люди были облачены в костюмы. Мужчины – при галстуках-бабочках, женщины кутались в шали. Многие были в очках с роговыми оправами.

Библиотекари!

Присутствующие вставали, зал гудел, как потревоженное гнездо шершней. Тетя Петти оживленно болтала со своим отцом, выпытывая детали его пребывания в Тихоземье. Она вроде и не срывалась на крик, но ее голос легко прорезал шум толпы. Вот такая тетя, по-своему замечательная.

– Алькатрас?

Я оглянулся в ту сторону, где неловко переминалась Бастилия.

– Да?

– Кажется, – нехотя сказала она, – здесь подходящее место, чтобы упомянуть кое о чем...

– погоди, – отмахнулся я, начиная нервничать. – Смотри, король сюда идет!

– Еще бы, – согласилась Бастилия. – Он тоже хочет повидаться с семьей!

– Он тоже хо... эй, ты о чем?

Ответить Бастилия не успела – король Дартмур подошел и остановился около нас. Все поклонились ему, в том числе дедушка и даже Петти, и я последовал их примеру. А потом король поцеловал Дролин. Да-да, вы не ослышались. Вот прямо так взял и размашисто поцеловал в губы.

Я смотрел на них, мягко выражаясь, ошеломленный. И не только потому, что кому-то – вроде бы в здравом уме – взбрело в голову целовать Дролин. (Вам хотелось когда-нибудь аллигатора чмокнуть?)

Но если Дролин была женой короля, это означало...

Это означало...

– Так ты у нас принцесса! – изобличил я Бастилию, наставляя на нее палец.

Она поморщилась:

– Ну... что-то типа того, как бы...

– То есть как это «как бы»?

– А так, что я не могу наследовать трон, – выпалила она. – Став рыцарем Кристаллии, я отказалась от права престолонаследия. Дала обет нестяжательства и всякое такое прочее.

Кругом шумела толпа. Одни люди выходили из комнаты, другие входили. Кто-то останавливался поглазеть на моего дедушку и на меня.

Честно говоря, я давно должен был догадаться, что Бастилия королевских кровей. У ее матери не было «тюремного» имени, а у нее было. Это уже можно считать свидетельством того, что по отцу она происходила из высшей знати... А еще в такого рода биографиях, как моя, среди центральных персонажей обязательно присутствует тайно затесавшийся принц или принцесса. Это вдруг проявляется, как родимое пятно под рубашкой или как читательский билет, внезапно обнаружившийся в кармане, когда ты уже громко признался, что забыл его дома.

Я лихорадочно перебирал варианты ответа и, чтобы не выглядеть полным придурком, выбрал такой:

– Так это же здорово!

Бастилия недоуменно моргнула:

– Ты что, не злишься на меня за то, что я это скрывала?

Я пожал плечами:

– Бастилия, ну сам-то я какая-то пародия на знатного наследника, так почему меня должно волновать, что и ты такой оказалась? И потом, ты же мне не врала. Ты просто не любила говорить о себе.

...А теперь держитесь крепче, грядет нечто весьма, весьма странное. Круче говорящих динозавров, удивительнее стеклянных птиц, даже безумнее тех моих аналогий с рыбными палочками.

Глаза Бастилии наполнились слезами.

И... она меня обняла.

Слушайте, девчонки, можно, я вас кое о чем попрошу? Пожалуйста, не увлекайтесь обнимашками без предупреждения! Для многих из нас (а я говорю примерно о половине подростков мужского пола) пережить подобное – это как бутылку острого соуса вылить прямо в горло!

В этот момент я не видел себя со стороны, но полагаю, что отреагировал на столь неожиданный поворот сюжета несколькими невнятными и невразумительными звуками, дурацким выражением лица и едва ли не пусканием слюней.

– ...Не могу нарушить регламент и заступиться за первогодка, нарушившего кодекс рыцарей Кристаллии, Бастилия, – проговорил кто-то рядом со мной.

Я кое-как вернулся к осмысленному восприятию реальности. Оказывается, Бастилия уже выпустила меня из неспровоцированных, несогласованных объятий и отошла побеседовать с отцом, а в комнате стало заметно меньше людей: лишь кое-кто продолжал подпирать стены, с любопытством разглядывая наше маленькое общество.

– Понимаю, отец, – заявила Бастилия. – Не волнуйся, я вынесу их попреки, как надлежит члену ордена.

– Моя ты девочка. – Король положил руку ей на плечо. – Только не принимай близко к сердцу их болтовню. Мир, знаешь ли, далеко не такой черно-белый, каким рыцари порой его видят.

Дролин, услышав это утверждение, изумленно вскинула бровь. Я смотрел на короля в синем и золотом, на Дролин в серебристых доспехах и думал, как же хорошо они смотрятся вместе, какая они прекрасная пара. Только Бастилию было жаль. Неудивительно, что она вечно натянута как струна. По отцу – королевская кровь, по матери – нестигаемая воля и рыцарство. Вот и вырослей тут, зажатый со всех сторон такими-то валунами!

– Бриг, – привлек внимание короля дедушка Смедри, – нам надо обсудить то, что намерен сделать Конклав.

Король повернулся к нему:

– Боюсь, Ливенворт, ты немного опоздал. Решение уже почти принято. Конечно, своим голосом ты волен распоряжаться по собственному усмотрению, но он вряд ли изменит существующее положение дел.

– Да как вам в голову могло прийти сдать Мокию? – спросил дедушка Смедри.

– Чтобы спасти жизнь людей, друг мой, – устало выговорил король, и я прямо ощутил гнетущую тяжесть его венца. – Выбор, прямо скажем, не радостный, но если это остановит кровопролитную войну...

– И ты в самом деле ждешь, что они сдержат данное слово? Хайпующие Хайнлайны, Бриг, что за безумие!

Король покачал головой:

– Потомки не назовут меня правителем, который получил предложение мира и отверг его, Ливенворт. Я не разжигатель войны. Если есть какой-то шанс заключить альянс, урегулировать конфликт... Однако это лучше обсуждать без посторонних глаз. Пойдем-ка в мою гостиную...

Дед коротко кивнул, потом попятился и позвал меня жестом.

– Что думаешь? – прошептал он, когда я подошел.

Я пожал плечами:

– По-моему, он говорит искренне...

– Искренность – его основная черта, – шептал дедушка Смедри. – Он человек страстей... Уж верно, Библиотекари немало потрудились, запудривая ему мозги, чтобы довести до подобного состояния. Впрочем, его голос в Конклаве не единственный...

– Но он же король! Или как?

– Он – Верховный король, – воздел палец дедушка Смедри. – Главнейший наш предводитель. Однако в коалиции есть державы и помимо Налхаллы. В Конклав входят тринадцать королей, королев и высших сановников вроде меня. Голосование тайное, но... Если мы склоним большинство из них голосовать против заведомо проигрышного перемирия, у нас будет шанс его отменить!

Я кивнул:

– Как я могу помочь? Что надо сделать?

Нельзя было допустить падения Мокии. Бездействовать было просто недопустимо, и я был не намерен сидеть сложа руки.

– Я переговорю с Бригом, – сказал дедушка Смедри. – А ты пойдешь отыщешь своего двоюродного брата Фолсома. Ему было поручено блюсти интересы Смедри здесь, в Налхалле. Он должен быть лучше всех осведомлен о том, что за безобразие здесь творится.

– Заметано!

Дедушка порывшись в карманах смокинга:

– Вот. Возвращаю.

В руке у него была линза. Одиночная и бесцветная. В линзах окулятора я заметил ее яркое свечение, оно было даже мощнее, чем у линз переводчика.

Точно! А ведь я о ней уже почти успел позабыть!

Эту линзу я обнаружил в Александрийской библиотеке, на гробнице Алькатраса Первого, моего предка. Однако ее способности не спешили мне открываться, я и отдал ее деду для изучения.

– Ну и как, разобрался ты в ней? – спросил я, забирая стеклышко.

Он с энтузиазмом закивал.

– Пришлось сотни опытов поставить. Я еще вчера хотел тебе рассказать, но...

– Но ты опоздал.

– Именно, – улыбнулся в усы дедушка Смедри. – Как бы то ни было, линза оказалась очень полезной. Очень и очень! Это почти мистика! Я сам никак поверить не мог, три раза для надежности перепроверил!

Я успел разволноваться, воображая, как линза вызывает души усопших, чтобы они сражались на моей стороне. А может, я буду наводить ее на врагов и те рассеются облаками багрового дыма?

– Так что все-таки она делает?

– Она позволяет определить, правду ли тебе говорят.

Ох, не такого я ожидал...

– Да, – подтвердил дедушка Смедри. – Это линза правдоискателя. Я и мечтать не мог, что однажды буду держать в руках такой редкий экземпляр. Сколь примечательный случай!

– И... она даже не взрывает тех, кто обманывает?

– Боюсь, нет, мальчик мой.

– И багровый дым из них не валит?

– Не валит.

Я тяжело вздохнул и, делая нечего, сунул линзу в кармашек. Наверное, она вправду полезная. Хотя, найдя это стеклышко, тщательно спрятанное в саркофаге, я реально надеялся, что заполучил грозное оружие.

– Не расстраивайся, внучек, – подбодрил Великий окулятор. – Ты, похоже, не вполне понимаешь, какое сокровище положил в карман. В ближайшие несколько дней эта линза нам о-го-го как пригодится. Держи ее под рукой!

Я хмуро кивнул:

– Дед, а у тебя не найдется еще парочки линз поджигателя? С возвратом, естественно.

Дед хихикнул:

– Не наигрался как следует с прошлой парой, да? Нет, у меня таких больше нет... хотя... дай-ка гляну... – Он снова зашарил по внутренним карманам смокинга. – Ага!

И вытащил пару линз. Их окутывало скромненькое сияние, стекла отливали фиолетовым. Я не оговорился – фиолетовым! Можно подумать, мастера-стекловары, изготовители окуляторских линз, желали всех нас уподобить анютиным глазкам. Или у них случайно так выходило?

– Ну и что они делают? – без надежды в голосе произнес я.

– Это оборотные линзы, – сказал дед. – Надеваешь, мысленно сосредотачиваешься на каком-нибудь образе, и они тебя маскируют под человека, которого ты задумал.

Ух ты, круто! Оборотные линзы я взял в руки с трепетом, уже исполнившись предвкушения.

– А под предметы замаскировать могут? Под камень, например?

– Полагаю, могут, – подтвердил дедушка Смедри. – Правда, получится булжчик с нацепленными очками. Во что бы ни превратили тебя эти линзы, сами они останутся заметными и неизменными.

В моих глазах это сразу поубавило их могущество, но я решил, что применение им всяко-разно найдется.

– Спасибо. – Я пожал деду руку.

– Вернемся в замок – попробую откопать для тебя еще какие-нибудь оружейные линзы, – пообещал он. – Здесь мы, не иначе, провозимся еще часа два или три, потом будет пауза перед вечерним голосованием. Сейчас около десяти утра. Давай встретимся в замке Смедри через три часа и обсудим, кто что разузнал.

– Добро.

Дедушка Смедри подмигнул мне:

– Итак, до встречи после полудня. Если разломаешь что-нибудь ценное, смело вали все на Дролин, ей будет полезно встряхнуться!

Я согласно кивнул, и мы разошлись в разные стороны.

Глава 5

Пора, пожалуй, рассказать не обо мне, а о ком-то другом. Прошу, не слишком расстраивайтесь! Все-таки нужно время от времени обсудить тех, кто не столь очарователен и умен и не производит такого неизгладимого впечатления, как я.

Верно! Вы угадали! Поговорим-ка о вас.

Иногда, посещая страны Тихоземья, я встречаю предприимчивых молодых людей, желающих помешать злым Библиотекарям править их родиной. Вы спрашиваете меня, как правильно организовать сопротивление. Так вот, у меня для вас ответ из трех пунктов.

Во-первых, всемерно и в максимальных количествах закупайтесь моими книгами. Им можно найти весьма разнообразное применение (я еще вернусь к этому чуть попозже), а кроме того, с каждого проданного экземпляра мы жертвуем деньги в Фонд защиты дикой природы имени Алькатраса Смедри, финансируемый с торговли шедеврами Алькатраса Смедри.

Во-вторых, ну... Второй пункт списка рекомендаций по организации сопротивления впечатляет несколько меньше первого, но тоже хорош. Просто читайте! Вы можете расширить круг чтения самостоятельно!

Библиотекари управляют миром при посредничестве средств массовой информации. Мой дедушка говорит, что информация – оружие покруче любого меча и даже линз окулятора, и я начинаю думать, что он, вероятно, прав. (Хотя бензопилы с цепями из царапучих котят – помните, мы их обсуждали во второй книге? – если и отстают, то ненамного.) Таким образом, наилучший способ борьбы с ограничениями, введенными злыми Библиотекарями, – это чтение книг. В превеликом множестве. Всяких разных, какие только попадутся вам в руки!

И тогда вы исполните пункт третий списка, о котором я сейчас расскажу. В-третьих, покупайте мои книги! Всемерно и в максималь... Что, я об этом уже говорил? Ну ладно, тогда пунктов будет четыре. Однако наше вступление затянулось, так что последний пункт обсудим попозже. Сейчас просто намекну, что там не обошлось без попорна...

* * *

– Ну что ж, – сказал я. – И где мне найти этого... как его... Фолсома?

– Не знаю, – бескомпромиссно ответила Бастилия и указала рукой. – Может, следует спросить его матушку, стоящую вон там?

«Блин горелый, а ведь правда, – подумалось мне. – Фолсом – брат Квентина, значит Петтивэгон и его мать». Она тем временем оживленно (читай: в своей обычной манере) беседовала с Сингом. Я жестом пригласил Бастилию подойти к ним вместе со мной, но она замялась.

– Что такое? – поинтересовался я.

– Моя миссия официально завершена, – сказала она, морщась и поглядывая на Дролин. – Мне нужно доложить о выполнении возложенной на меня миссии в Кристаллии...

Дролин успела удалиться к выходу из чертога и оттуда созерцала Бастилию своим фирменным взглядом, одновременно требовательным и долготерпеливым.

– А как же твой отец? – возразил я, поглядывая в ту сторону, куда вместе с бабушкой Смедри удалился король. – Он едва успел увидаться с вами обеими!

– Заботы королевства превыше всего.

Для меня эти слова прозвучали как заученная агитка. Наверное, Бастилия то и дело слышала их, пока росла.

– Что ж, – поежился я. – В смысле... то есть... в общем, увидимся.

– Ага.

Я было собрался с силами, чтобы пережить еще одно объятие (для такого сверхусилия даже термин есть – «подростковая вынужденная перезагрузка»), но Бастилия просто потопталась еще немного на месте, потом едва слышно выругалась и двинулась на выход следом за матерью. Я остался один, пытаюсь понять, с каких это пор между нами поселилась ужасная неловкость. (Еще я испытывал немалое искушение припомнить славные деньки, пережитые нами вместе. Вот Бастилия лупит меня по физиономии сумкой. Вот она пинает меня в грудь. Вот высмеивает какую-то глупость, которую я ляпнул. Я бы выглядел сущей жертвой притеснений, если бы не: 1) сломал Бастилии меч; 2) пнул ее первым; 3) потрясал девушку своим великолепием всю дорогу.)

Отчего-то чувствуя себя немножко несчастным и брошенным, я приблизился к тетюшке Петти.

– Что, кончил миловаться с той девушкой-рыцарем? – в лоб спросила она. – Классная штучка, верно?

– О ком речь? – спросил Синг. – Кажется, я что-то пропустил?

– Э-э-э... – пробормотал я, заливаясь краской. – Ничего такого...

– Мы так и поняли, – сказала Петти, подмигивая.

– Послушайте, тетя Петти, как бы это сказать... Мне нужно отыскать вашего сына, моего двоюродного брата Фолсома...

– Хмм. Ну и зачем он тебе?

– По одному делу, жизненно важному для Смедри!

– Тогда тебе повезло. Я сама – важный Смедри!

Ничего не скажешь, уела. Пришлось пояснить:

– Дедушка хочет, чтобы я разузнал, чем занимались Библиотекари в Налхалле, пока он отсутствовал.

– Почему сразу было вот так прямо не сказать?

– Потому что... в общем...

– Головушка у тебя медленно работает, – сочувственно цокнув языком, сказала Петти. – Не стыдись этого, пупсик: твой папаша тоже не слишком сообразителен... Ну что, пошли поищем Фолсома! Пока, Синг!

Я потянулся было к Сингу, надеясь, что хотя бы он не покинет меня, оставив на милость нашей кошмарной родственницы, но он уже смылся с какими-то другими людьми, а Петти подхватила меня под руку и...

Тут надо сделать паузу и заметить, что за годы, прошедшие с того дня, я стал испытывать к тете Петтивэгон даже некоторую симпатию. Заявляю об этом совершенно чистосердечно, и,

поверьте, ее угрозы выкинуть меня в окно, если я не упомяну ее в книге, тут совершенно ни при чем!

Итак, женщина-гора вытащила меня из комнаты и повлекла дальше по коридору. Вскоре мы уже стояли на залитых солнцем ступенях крыльца, а Петти отдавала распоряжение служителю, чтобы он вызвал нам какое-нибудь достойное нашего величия средство передвижения.

– Знаете что? – сказал я. – Если вы просто скажете, где Фолсом, я сам его разыщу. Совсем незачем вам...

– Он тоже уехал по особо важному делу, – перебила Петти. – А я должна тебя проводить. Раскрывать его местонахождение категорически запрещено. Конспирация! Понимаешь, его, как эксперта по дипломатическим связям с Библиотекарями, назначили следователем в недавнем деле о дезертирстве...

– Дезертирстве?..

– Да, – тихо проговорила она. – У нас тут объявился агент внешней разведки, эдакий перебежчик, вздумавший сменить место жительства. Библиотекарь-женщина сделала правильный выбор, покинула свою страну и переехала в Свободные Королевства. Моего сына отрядили помочь ей адаптироваться к новым условиям жизни... Ага! А вот и наш экипаж!

Я оглянулся, ожидая нового дракона, но, видимо, по такому незначительному поводу, как наше с тетей передвижение, настоящего большого дракона решили не беспокоить. К нам прикатила открытая коляска, запряженная самыми обычными лошадьми, а управлял ею кучер.

– Лошади? – вскричал я.

– Конечно, – деловито ответила Петти, забираясь в коляску. – А ты чего ждал? Этого... как там вы их называете? Водильмобиля?

– Автомобиля, – поправил я, присоединяясь к тете. – Нет, я ничего такого не ждал. Просто... лошади – это же что-то допотопно деревенское...

– Деревенское? – переспросила она, между тем как наш возчик послал упряжку вперед. – Да экипажи куда прогрессивнее всех ваших тихоземных... бутылмобилей!

Тут надо заметить, что в Свободных Королевствах свято уверены: все, чем пользуются они, по определению более передовое по сравнению с тем, что водится у нас, в отсталых странах Тихоземья. Например, они считают свои громоздкие мечи прогрессивнее наших ружей и пистолетов. Звучит странно, но только до тех пор, пока не поймешь: здешние мечи, напитанные магической силой, действительно превосходят по степени поражения иные стволы. По крайней мере, они лучше того огнестрела, который был здесь в ходу до перехода на силиматические технологии.

Но вот лошади... с этим утверждением я согласиться не мог.

– Ну уж нет, – заартачился я. – Лошади не прогрессивнее машин! Тут вы меня не переубедите!

– А вот и прогрессивнее, – спорила тетя Петти.

– Почему?

– Все очень просто. Навоз!

Я недоуменно моргнул:

– Навоз?..

– Именно. Что производят ваши неряхомобили? Зловонный газ. А лошади?

– Навоз?

– Навоз, – удовлетворенно изрекла она. – Удобрение. И сам посуди, что лучше, если, задействуя лошадь, ты не только перемещаешься из точки А в точку Б, а еще и получаешь полезный побочный продукт.

Пребывая в некотором смятении, я замолчал и откинулся на спинку сиденья. Объяснялось мое замешательство даже не словами Петти, ибо я успел привыкнуть к парадоксальному мышлению жителей Свободных Королевств. Дело в том, что уже в двух главах третьей книги я

свободно шутил и разглагольствовал об экскрементах и метеоризме. Осталось еще как-нибудь приплести рвоту, и будет полный – тройственный – набор сортирного юмора. А я его вообще не люблю. Ну да ладно.

Езда в коляске позволила мне хорошенько присмотреться к горожанам, зданиям, магазинам. Странное дело: я подспудно удивлялся тому, какими... нормальными выглядели здесь люди. Да, кругом высились замки. Да, народ одевался в рубашки простого кроя и мантии, а не в брюки с блузами. Однако выражения лиц – веселье, разочарование, даже скука – были точно такими же, как и у меня на малой родине. Мы ехали по оживленной дороге, а слева и справа, напоминая изрезанные хребты гор, в небо устремлялись башни и острые шпили... и все равно мы как будто катили на такси по центру Нью-Йорка. Люди есть люди! Происхождение, внешность человека могут разниться – суть от этого не меняется. Как выразился однажды философ Гарнглегут Растерянный: «Дайте мне, пожалуйста, сэндвич с бананом и карандашом!» (Вечно его уносило прочь с темы, этого Гарнглегута.)

– А где живут все эти люди? – спросил я и мгновенно пожалел о сказанном. Вот сейчас Бастилия срежет меня чем-нибудь вроде: «В своих домах, дурачок!» Мне потребовалась секунда, чтобы вспомнить: Бастилия больше не рядом со мной, а значит, не посмеется. Это опечалило меня, хотя я вроде должен был радоваться, ведь насмешек удалось избежать.

– Большинство – здесь, в Налхалла-сити, – ответила на мой вопрос тетя Петти. – Хотя изрядная часть могла прибыть из других мест посредством стекла-перевозчика.

– Стекла-перевозчика?

Она кивнула светловолосой стриженной головой.

– Весьма интересная технология, разработанная в Куаналуйском институте, что в Хала-ики. Они там нашли применение пескам, открытым твоим отцом несколькими годами ранее. Люди получили возможность мгновенно преодолевать огромные расстояния, тратя при этом вполне вменяемое количество «умного» песка. Я читала отчеты о тех исследованиях – весьма увлекательно!

Я заморгал. Кажется, мне доводилось упоминать, что в семье Смедри присутствует какой-то нездоровый перекос в сторону учености? Куда ни ткни, всюду преподаватели, исследователи, ученые. Ну просто замес из доски почета Калифорнийского университета с сериалом «Семейка Брэди»⁶ (помните, был такой древний ситком про большое семейство?).

– И вы наверняка тоже профессор, ведь так? – спросил я ее.

– Ну конечно же, пупсик! – сказала тетя Петти.

– Силиматикой занимаетесь?

– Верно, а как ты догадался?

– Просто сказал первое, что в голову пришло... А вам никогда не попадалась в научных статьях или обсуждениях теория, что окуляторы вроде как могут подпитывать не только свои линзы, но и разное техническое стекло?

Она хмыкнула:

– Вижу, успел с папашей своим поболтать...

– В смысле?

– Помню я ту статью, что он накропал, – продолжала тетя Петти. – Как по мне, сущая ахинея. Он там утверждал, будто окуляторы – чуть ли не «умный» песок в человеческой форме. Ну сам посуди, разве не глупость? Как песок может принять человеческий облик?

– Я...

– Готова с некоторыми оговорками допустить, что в общепринятой теории о свойствах силиматического стекла найдется парочка слабых мест, – продолжала она, пропустив мимо

⁶ «Семейка Брэди» – популярный американский комедийный сериал (1969–1974) с продолжениями (1995, 1996, 2002), в котором показана жизнь многодетной семьи – слишком хорошей, порядочной, доброй, приличной, умильной.

ушей мою попытку вставить словечко. – Однако твой отец, как всегда, делает слишком поспешные выводы. Требуется провести гораздо больше исследований и собрать доказательную базу! Должны поработать люди с куда большим опытом в чистой силиматике... чем у этого проходимца. Слушай, пупсик, у тебя, кажется, прыщик на носу растет. А вон тот тип в соседней коляске тебя только что сфоткал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.